

Глава 2. Reply with only the corrected sentence. Любимый человек

Вероятно, из-за того, что мастера любят общаться друг с другом, а у него со старостой характеры оказались схожи, их отношения всегда были неплохими.

Они оба были лучшими в Третьей средней школе Хучэна и по оценкам, и по внешности, поэтому в школе давно ходил слух, что они пара.

И вот сегодня он, лучший друг и объект слухов о старосте, случайно застал момент её признания Шэн Чжинаню. Ощущение было такое, будто собственную капусту сжевал дикий кабан.

Староста, ты ведь довольно симпатичная, но при такой сильной близорукости — как ты могла влюбиться в кого-то вроде Шэн Чжинаня? И даже умудрилась признаться в первый же день знакомства. Посмелее любого отряда смертников.

Он включил телефон, открыл чат с пользователем под ником Юэяэр и написал:

[Цзи Цзин — твой папа]: У меня есть друг, он застал своего приятеля за признанием в любви заклятому врагу. Он немного в растерянности.

[Цзи Цзин — твой папа]: Он попросил меня спросить у других, что бы ты сделала на его месте?

В это время в комнате, где только что произошло признание, телефон Шэн Чжинаня слегка вибрировал. Это были советы, которые давала ему мама, когда учила, как ухаживать за девушками.

Он твёрдо решил последовать совету девушки и покончить с Шэн Чжинанем.

Цзи Цзин, увидев это, сделал несколько шагов вперёд, желая объясниться, что он пришёл просто забрать учебники, а не нарочно подглядывать за признанием и ставить его в неловкое положение.

Он долго мялся за дверью, а когда увидел, что староста вышла, решился.

Шэн Чжинань остановился и уставился на него: — М?

Старосту, выходит, отвергли?

Он мельком взглянул на карман, опустил веки, и на его губах появилась загадочная улыбка: — Прости, у меня есть любимый человек.

Цзи Цзин вспомнил, сколько девушек и омег бегали за Шэн Чжинанем в средней школе, и как тот прямо и безжалостно отказывал им. Он даже думал, что Шэн Чжинань предпочитает альф и вообще сторонник однополых отношений, раз так категорично отшивал поклонниц, не оставляя ни единого шанса.

Цзи Цзин вдруг почувствовал жалость к старосте — кто же такое выдержит?

Он немного постоял в оцепенении.

Учитывая, что он сам омега, а Шэн Чжинань — альфа, в случае стычки его могли просто уничтожить.

Вспомнив, что он ещё в бытность бетой не мог одолеть его в драке, он решил повременить и обдумать всё как следует.

— Ты отказал ей?

Спустя долгое время он вспомнил об учебниках, которые велела забрать Ли Шу. Мгновенно почувствовав себя так, будто идёт на верную смерть, он с грохотом распахнул дверь и ворвался в 7301.

Но, оглядевшись, он обнаружил, что здесь даже железки никакой нет, не то что ножа — если и драться, то только голыми руками.

Цзи Цзин подумал, что если дело дойдёт до стычки, то, с его характером, та девушка, скорее всего, каждый день будет умирать от злости.

— Она мой приятель, разве нельзя постоять за друга? Вы, люди, только о любви да чувствах и думаете, как же это пошло.

И этот человек ещё способен кого-то любить?

Только сейчас до Цзи Цзина запоздало дошло. В конце концов, староста — девушка.

Изначально Цзи Цзин был настроен решительно и холодно, в духе «кто-то из нас здесь не жилец», но после этих слов замер с комом в горле, не в силах вымолвить ни слова.

Тем временем в глубине души у него вспыхнуло желание заступиться за друга, даже если придётся говорить с идиотом. Шэн Чжинань только вышел из-за двери, как Цзи Цзин с холодным взглядом преградил ему путь.

Вспомнив об этом, он снова начал молиться и скорбеть по этой девушке — ну надо же было так не повезти.

Закончив говорить, Шэн Чжинань включил телефон и как раз увидел сообщения от Цзи Цзина. Он усмехнулся, поняв, что тот снова придумал историю про друга, чтобы скрыть свои чувства — он совсем не изменился.

Схватив учебники, он помчался вниз по лестнице.

Шэн Чжинань слегка опустил веки и уклончиво спросил: — Тебе она нравится?

Не успел Цзи Цзин ответить, как она подтолкнула его локтем и бросила: — Ничего страшного.

Затем она ушла.

Поразмыслив секунду, он ответил Цзи Цзину.

Шэн Чжинань тихо произнёс: — О. У меня есть любимый человек.

Ничуть не изменился.

Да ладно?

[Юэяэр]: (гифка с котиком, бросающим нож)

Цзи Цзин подумал, что эта девушка довольно милая.

Цзи Цзина всегда раздражал этот вечно безмятежный вид Шэн Чжинаня. Он дёрнул уголком губ, и в его голосе проскользнул холод: — Девушка такая хорошая, почему отказал?

Девушки говорят, что всё нормально, только когда всё совсем не нормально.

*

Когда Шэн Чжинань ушёл, Цзи Цзин проводил его спину взглядом. Ему почудилось, будто он услышал невнятное «я вернулся», а затем тот исчез.

Он впервые видел, чтобы обычно яркая и уверенная староста была такой поникшей.

Звук топающих шагов разнёсся по всему седьмому корпусу.

На первом этаже уже горел свет.

Там, внизу, стоял какой-то парень; он присел на корточки и собирал учебные пособия.

Увидев, как Цзи Цзин несётся вниз, он так опешил, что открыл рот, будто проглотил нечто целиком.

Цзи Цзин, не ожидая встретить кого-то, остановился: — Брат Цзин? Это правда ты?

Цзи Цзин помедлил, не сразу сообразив: — ? В чём дело?

А тот схватился за грудь, словно у него перехватило дыхание: — Ничего, ничего.

Глядя на его странное поведение, Цзи Цзин посмотрел на него с сочувствием, как на умалишённого, и, прижимая к себе учебники, вихрем вылетел в тень школьных деревьев.

Словно ветер или молния.

Полуденный свет пробивался сквозь кроны деревьев, листья тихо шелестели.

А тот парень всё ещё стоял на месте.

Озадаченный.

Вспоминая, как эти трое один за другим спускались по лестнице, он тут же начал додумывать разные версии, предаваясь фантазиям — в его голове уже назревал сорокадвухсерийный сериал.

Не может быть?

Невозможно?

Я что, ослеп?

Но прошла лишь секунда. Тот парень схватил телефон и принялся яростно строчить сообщение.

Группа «Сегодня едоки дынь подавились?»

Самый красивый едок дынь на бахче: Трава, трава, трава! Вы знаете, что я сегодня видел?

Едок дынь номер два: Говори быстрее! Не томи, мы тут все изголодались!

Самый красивый едок дынь на бахче: Я наткнулся на грандиозное побоище между новеньким и нашими школьными авторитетами! И всё из-за того, что они не поделили старосту третьего класса!

Самый красивый едок дынь на бахче: Сцена была просто улетная, они чуть не вцепились друг другу в одежду!

Едок дынь номер два: Что? Они рвали одежду?

Едок дынь номер четыре: Что? Они дрались из-за любви?

Едок дынь номер три: Аааааа, это так чертовски захватывающе!

Едок дынь номер один: Эй, ты там наверху, информация достоверная?! Наша группа едоков дынь не ест фальшивки!

Самый красивый едок дынь на бахче: Голову на отсечение даю! Инфа сотка! Видел своими глазами!

Однако толпа любителей сплетен даже не подозревала, что его голова не стоит и ломаного гроша, и, узнав эту взрывную новость, разнесла её по всей школе.

В одночасье на школьном форуме поднялась шумиха. Сотни постов мелькали в ленте один за другим, но самыми популярными стали обсуждения на тему: Новенький увел возлюбленную, оба лидера убиты горем.

К вечеру сюжет окончательно свернул не туда.

Любители подлить масла в огонь превратили эту драму в Искушение Третьей средней школы, где старосту окрестили Хун Шисянем, Цзи Цзина — Линь Пиньжу, а Шэн Чжинаня — Айли.

Якобы он усидел на двух стульях и вел себя как настоящий подлец.

Поначалу он просто наблюдал за этим как за представлением, не понимая, что у людей в головах и откуда берется такой бред. Но когда он увидел это Искушение Третьей средней школы, ему стало не по себе.

Ладно, они с Шэн Чжинанем ребята толстокожие, шутить над ними — обычное дело.

Но впутывать сюда старосту, девушку, да ещё называть её подлецом Хун Шисянем, обвиняя в двойной игре — это уже перебор и полное отсутствие стыда.

На следующее утро, входя в класс, он то и дело бросал взгляды в сторону старосты.

Вчера Шэн Чжинань прямо отказал ей, а потом ещё и форум столько времени полоскал её имя. Кто знает, как она сейчас держится.

В тот момент, когда он вошел в класс, он увидел, что она смеется и болтает с другими девочками, казалось, ничуть не заботясь о слухах. Камень, лежавший у него на душе, наконец рухнул.

Совершенно неожиданно за спиной послышался голос:

— Пиньжу.

Цзи Цзин:

— Отвали.

— Тебе дать телефон Седьмой народной больницы?

Сюй Чжисянь уже привык к таким ответам и продолжил:

— Эй, знаешь, какая староста сегодня была дерзкая?

Цзи Цзин:

— ?

— Сегодня утром один парень в шутку назвал её Хун Шисянем, так она его отбрила по полной программе! У неё был такой напор — просто загляденье, я чуть сам не стал её фанатом!

— Ты скажи, ну не идиоты ли они? Мы с тобой в таких отношениях, что если я назову тебя Пиньжу, ты мне сразу в лоб дашь, а называть девушку подлецом Хун Шисянем — это насколько надо быть беспардонным?

Цзи Цзин опустил глаза и искоса глянул на старосту, которая продолжала весело болтать впереди.

Значит, всё-таки она переживает.

*

В первый день занятий по традиции проводилась торжественная линейка.

Согласно программе, после череды речей учителей и администрации, в конце выступал лучший ученик прошлого года из десятых или одиннадцатых классов.

Ещё неделю назад Цзи Цзина назначили выступать на трибуне с речью — якобы поделиться опытом обучения.

Цзи Цзин стоял за кулисами, сжимая в руках черновик выступления, и погрузился в десятиминутное молчание.

Предыдущие ораторы — учителя и старшеклассники — уже закончили свои речи.

Когда до его выхода оставались считанные минуты, в голове снова всплыло это Искушение Третьей средней школы.

Он думал о себе, о Шэн Чжинане и особенно о старосте, которая оказалась втянута в этот

нелепый скандал, где её, девушку, называли Хун Шисянем.

Внутреннее раздражение достигло предела.

Он поднял взгляд на выступающего старшеклассника и решил пойти ва-банк. Смял листы с речью.

И просто разорвал их.

Выходя на сцену, он выглядел самоуверенно и гордо.

Словно задиристый петух.

Даже в самой обычной школьной форме Третьей средней школы он не терял своей яркости, выглядя вызывающе и энергично.

В летний зной цикады то затихали, то снова начинали свой стрекот.

Стоя перед микрофоном, он казался чужим в этих стенах, словно его место было в куда более широком мире за пределами школы.

Несколько учеников внизу, видя, как он выбивается из общего образа, вдруг рассмеялись.

— Ха-ха-ха-ха! Он тоже будет делиться опытом?!

— Да кто не знает, что он просто талант от природы!

Эти слова явно услышали фанаты Цзи Цзина.

Вокруг тут же раздались визги девушек и омег:

— Двойной лидер! Двойной лидер! Двойной лидер!

В толпе, помимо фанатов, конечно, были и любители зрелищ:

— Пиньжу! Пиньжу! Пиньжу!

Стоило прозвучать этому имени, как зал мгновенно взорвался.

Завуч Юй, как человек, работающий в Третьей средней школе Хучэна, конечно, был в курсе всех новостей и прекрасно понимал, о чем речь.

Он схватил красный пластиковый рупор и заорал:

— Сейчас торжественная линейка! А ну все замолчали! Замолчали! Тише!

Этот крик, напоминавший музыкальную гамму, еще не успел стихнуть, как Цзи Цзин вдруг замер. Он был в темно-синей форме, поправил воротник, правой рукой схватил микрофон — смятой бумаги в его руках уже не было.

— Я Цзи Цзин из одиннадцатого класса «три». Тема моего выступления сегодня:

— Слухи останавливаются на мудрых.

Вокруг воцарилась минутная тишина.

А затем зал снова взорвался овациями.

<http://bllate.org/book/21000/2135147>